

факт – эгоизм – основание безнравственности.” (Соловьев В.В. Соч. в 2-х томах. Т.1. М.:Мысль, 1988. С.146). Впоследствии В.В.Соловьев пришел к выводу, что превосходство нравственного начала над совестью и абсолютность добра как априорный факт, самоочевидно и самоудостоверенно данный вместе с его предметом в переживании особого рода, образующем третий основной (наряду с чувственным опытом и рациональным мышлением) источник познания.

Аналогично М.Шелеру, но ранее его на 25 – 30 лет, он формирует исходные утверждения феноменологического метода. Любовь, жалость и тому подобное, суть различные явления симпатии, в актах которой личности непосредственно и самоочевидно дан предмет. Например, в актах стыда “сам человек действительно выделяет себя из всей материальной природы... показывает, что не есть только это природное материальное существо, а еще нечто другое и высшее. То, что стыдится, в самом психическом акте стыда отделяет себя от другого, чего стыдится” (Там же. Т.1. С.123). В другом месте: “чувство жалости, или сострадания, в котором коренится должное отношение человека к ему подобным, выражает не только душевное состояние данного лица, а и некоторую общую объективную истину, именно, истину единосущия или реальной солидарности всех существ” (Там же. С.247).

Вообще “нравственность самозаконна именно потому, что ее сущность не есть отвлеченная формула, и имеет в себе все условия своей действительности” (Там же. С.244).

Феноменологический метод требует “беспредпосылочного” описания того, какими способами предметы даются и (или) переживаются, как один и тот же предмет может “ощущаться”, “восприниматься”, “мыслиться”, “обожаться” В.В.Соловьев в своей концепции трех источников цельного знания привлекает внимание к исходному единству априорного переживания предмета в тройном плане: ощущения, мышления и уверенности в его безусловном существовании.

Ю.Г.Ершов
г. Екатеринбург

ЧЕЛОВЕК И ЗЛО

Сегодня, обращаясь к проблеме зла, первое, что следует отметить – его исторический характер. Многое из того, что в религиозном сознании средневековья рассматривалось как греховное (недопустимое), сегодня воспринимается почти как невинное. Зато соблазны и обольщения настоящего времени, кажется, сотрясают сами основы морального поведения. Вполне благополучные люди с предыдущим лояльным и корректным поведением обнаруживают метафизическую бездну предательства, продажности, трусости, и, в целом, циничного оправдания своих поступков. Опыт двух мировых войн, нацистских и коммунистических лагерей “сброшен”, уступая место варварству возрастающей криминальности и разрушения индивидуальности личности. Различные способы – от зверских пыток до элегантных действий средств массовой информации, от рекламных трюков до неконтролируемых актов партийных и управленческих структур – направлены на нивелирование человека. Зло в XX

веке все в большей степени приобретает обезличенную форму проявления — как созданное самим же человеком техническое, политическое, социальное бытие. Зло выступает анонимно в сфере межличностных отношений, где, кажется, никто ни за какие поступки не отвечает и отвергает саму возможность вменения вины. Зло уже не так “нуждается” в злодеях — на их место заступает “институционализированное” зло, маскирующееся “деловитостью” и “объективностью”, “стремлением к общему благу”. Иногда не происходит никакой видимой несправедливости: все идет в обычном порядке, превращающем рациональность в абсурд. “Индивидуальное” же зло теряет эмоциональную окраску, теснимую холодным расчетом, кабинетной интригой, отсутствием вообще какой-либо соразмерности действий с нравственной оценкой, т.е. тем, что в нашей повседневности получило имя “отмороженности”.

Загадка Зла сегодня становится фундаментальной проблемой, от которой в принципе никто не может быть огражден, даже если сейчас и живет в относительно защищенных условиях. Бесплезно сожалеть о потере человечеством райской невинности и необходимости жить в грехе и преступлении. Речь должна идти лишь о том, как преодолеть мистику Зла, исходя из его развивающейся природы и, в том числе, из смысла цитаты из “Фауста” Гете, ставшей эпиграфом к булгаковскому роману “Мастер и Маргарита”: “Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”.

Мы не ставим перед собой задачи дать историческую схему поэтапного приближения и созревания Зла. В новое время сложилась концепция: Зло должно быть познано и преобразовано с помощью внутренних душевных сил, способствуя тем самым упорочению Добра.

Последняя идея, которая с полным основанием может быть названа фаустовской, коренится в истоках европейской культуры. Уже в книге Иова из Ветхого Завета ее герой, задаваясь вопросом о смысле своих тягот, отваживается изречь: “Если я ошибаюсь, то это ошибаюсь я!” На дерзновенные вопросы Иова с помощью образов Бегемота и Левиафана Бог объясняет роль тех сил, которые допущены Богом в естественном порядке развития, чтобы человек отвоевал у них Добро и через эту борьбу укрепил свои силы, которые без этого противостояния остались бы слабыми и зависимыми.

Следующий шаг связан с появлением в XVI веке уже собственно легенды о докторе Фаусте, нашедшей глубокий отклик во всех слоях общества в Центральной Европе на протяжении двух последующих столетий. Но в народной легенде Фауст, отвергая религиозный канон, и обращаясь к дьяволу в стремлении познать тайны мироздания, заканчивает как проклятый.

Должно ли проклятие стать судьбой всякого, кто подобно ему, называет темные силы? Эту идею отвергал Лессинг, задумывая драму о Фаусте, которая должна была представить освобождение (спасение) Фауста. Но лишь Гете придал высшую художественную силу и логическую полноту фаустовской идее. Не гордыня и высокомерие, по Гете, толкает фаустовского человека на роковую связь с дьяволом, но такова неизбежная судьба человечества как следствие древнейшего грехопадения, которое, как указывает Иов, было допущено и включено в план

воспитания Богом. Через Голгофу как символ страдания человек сможет найти силы, которые преодолеют его преступления и заблуждения и возвысят его.

Любопытно и показательно развитие фаустовской идеи в творчестве выдающегося русского мыслителя И.А.Ильина. Говоря о подлинном сопротивлении злу, философ не ограничивается требованием ясного сознания его причин и истоков; можно утверждать о традиционном для русской философии выходе за пределы гносеологического рационализма к метафизике нравственности. Сопротивление злу, по Ильину, ставит человека перед вопросом о жизни и смерти, требуя от него ответа

стоит ли ему жить при торжестве “кошунственной противодуховности и озлобленной противолюбовности” Особо хотелось бы подчеркнуть, что, размышляя в традиции российской школы “возрожденного естественного права”, не противопоставляющей право и мораль, Ильин рассматривает злую волю, как нечто по сути противоположное духовной сущности права и нравственности “как живого единения людей” С этих позиций вполне справедлива и критика Л.Н.Толстого в его учении о непротравлении злу насилием, рассчитанном на “слабых и простодушных людей” С этих позиций, добавим от себя, вполне очевидны и те выводы, которые можно сделать из вышеизложенного применительно к оценке происходящих в современной России реформ и отношению к ним со стороны общества, вернее, той его части, что и способна, и обязана к интеллектуальной и нравственной самостоятельности.

М.Г.Красильников
г. Барнаул

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ТОТАЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ

Актуальность изучения тоталитарного сознания видится в том, что современная жизнь России вряд ли может быть понята без учета специфики группового, кланового сознания. На наш взгляд, изучение тоталитарного сознания в перспективе способно пролить свет и на современные формы группового (массового) сознания.

1. Тоталитарное сознание и его место между общественным и индивидуальным сознанием. Схематично тоталитарное сознание можно обозначить как групповое, находящееся между индивидуальным и общественным сознанием. При этом, как уже отмечалось, оно стремится вытеснить общественное сознание, подменить его собой, отождествив себя с ним. Аналогичная экспансия наблюдается и на другом полюсе – во взаимоотношениях с индивидуальным сознанием.

2. Правда и ложь тоталитарного сознания: деформация страхом. Политизированность тоталитарного сознания проявляется в принятом им критерии определения истинности знания. Таким критерием выступает ответ на вопрос: “Кому это выгодно? НАМ или ИМ?” Истинность знания, таким образом, заключена не в нем самом, не в отношении его к действительности, а обнаруживается во взаимодействии знания с обществом, зависит от использования его на практике различными социальными силами.